

— На 22-е ноября Сашуле назначили операцию, а мне в этот день предстояло быть в Иркутске и оппонировать на защите докторской Андрея Михайлова. Домой ко дню своего сорокалетия я, разумеется, не успевал и должен был провести его в дороге от Иркутска до Москвы.

— Защитился Андрюша вполне благопристойно, сложности у него были лишь на предварительном этапе, у себя в ИПГ, где Миша Власов ставил ему палки в колёса, как мог. Оппонентами у Андрея кроме меня были Виталий Иванович Таран из Харькова и Юрий Кириллович Калинин. После защиты Андрей пригласил нас троих плюс Васькова, нашего измирановца, члена иркутского спецсовета, жившего здесь со мной в одном номере, и Коена с Хазановым в ресторан, а меня к тому же Игорь Сидоров пригласил к себе домой, и Валерий Михайлович звал посидеть со стариками - с ним, Шафером, Ерофеевым и другими почтенными членами Совета.

— Валерию Михайловичу я, поблагодарив за честь, отказал, сославшись на уже принятое приглашение Сидорова, а Сидоров затащил к себе домой всю компанию Андрея Михайлова.

— Подвыпили крепко. Я опять приставал к Калинин, напомнив ему наш разговор на банкете в Сочи в 80-м году, признавался, что обиделся тогда на его - "Работать надо!" - будто я не работаю, зачем пошлости говорить? Опять я чего-то возбуждался, возмущался аморальной пассивностью интеллигенции, но сочувствия не встретил. Ни вопросы политики, ни смысл жизни - никого эта ерунда не волновала.

— Болтовня бесполезная, нечего сопли распускать, - высказался Калинин, и я чуть было с кулаками на него не полез, но он сумел как-то сдать назад, да и у меня вскоре пыл пропал.

— Наутро ко мне в номер зашёл Андрей Михайлов, принёс бутылку хорошего грузинского коньяка, и поздравил меня с днём рождения. Я предложил ему эту бутылку тут же и раздавить, но он отказался, не отошёл ещё от вчерашнего, да и дела в Совете есть.

— А вечером я был уже в Москве у Бирюковых, где эту бутылку мы и оприходовали в честь моего сорокалетия. Сидели мы у телевизора, шла программа "Время", и из неё мы узнали, что наши прервали переговоры с американцами о ракетах средней дальности в Европе. И опять никакой заботы хотя бы о формальной логической обоснованности сделанного резкого шага, неизбежно влекущего за собой дальнейшее ухудшение обстановки в мире. Всего лишь желание продемонстрировать, что и мы можем быть не менее жёсткими, чем Рейган.

— Действительно, мотивировка наших: мы не будем вести переговоры под давлением устанавливаемых ракет, со стороны американцев это будут переговоры с позиции силы. Но ведь сами только что согласились сократить число своих ракет до уровня имеющихся у Англии и Франции (162 против примерно 900), признавая тем самым существующее на сегодня преимущество в уже установленных ракетах. Так что до тех пор, пока американцы не догнали нас по количеству установленных ракет (пусть с учётом английских и французских), переговоры шли с позиции силы для нашей стороны.

— Ссылки на преимущество НАТО в ядерных средствах передового базирования на самолётах и кораблях неубедительны - нельзя сравнивать самолёт, которому требуется два-три часа, чтобы долететь до целей вблизи наших границ, с ракетами, которые могут в считанные минуты поразить любую из европейских столиц. Мы не хотим, чтобы американцы вели переговоры с позиции силы, а хотим сами вести их с позиции силы.

— А отказ от переговоров - это уже, в сущности, ультиматум, а не политика, претендующая на то, чтобы считаться миролюбивой. И это упорное разыгрывание невинного младенца из себя. Американцы ничего не должны ставить, а мы ничего не должны сокращать, потому что, мол, существует паритет, военное равновесие, и мы

никому не позволим его нарушить - утверждалось год назад до начала переговоров. Потом начались уступки, но утверждалось, что паритет при этом сохраняется. И если мы признаём паритет при одинаковом уровне ракет с обеих сторон (Восток-Запад) с учётом Англии и Франции, то как назвать ситуацию с излишком у нас в 700 ракет, имеющую место сейчас, как не превосходство?

—30-го ноября Сашулю выписали из больницы. Накануне заминусело, и первые дни декабря стояли небольшие (до минус семи градусов) морозы. Замёрзло Нижнее озеро, мы с Митей ходили на него учиться кататься на коньках и с удивлением обнаружили, что народ успешно блеснит там окуня и вполне приличного (до 300 граммов).

—С 5-го декабря на три дня потеплело, но потом температура опять опустилась ниже нуля, 9-го выпал снег, и мы с Митей вечером с огромным удовольствием играли в футбол на пушистом снегу. Митя стоял в воротах и ему очень нравилось падать, отбивая (или пропуская) мячи.

—С 14-го по 16-е декабря морозы достигали по утрам до минус десяти градусов, а 17-го мы с Серёжей поехали в Лесное на открытие зимнего сезона. Лёд оказался с полыньями, я впервые их видел в таком количестве на Куршском заливе у Лесного, обычно это характерно для Калининградского залива. Толщина же основного льда - сантиметров десять.

—Народу было довольно много, но у тех, кто приехал раньше нас, с утра ничего не попало, и мы с Серёжей не спешили располагаться, обходя раскиданных по заливу рыболовов и надеясь таким образом нащупать благоприятный район лова. Серёжа вообще хотел пойти на окуня подальше, но уходить одному по такому льду было явно рискованно, я же нацелился на плотву и искал место, где её кто-нибудь уже выловил.

—Весьма не сразу и довольно далеко от берега, справа мы наткнулись, наконец, на парней, выловивших по одной-две крупной плотвине, прошли за них вглубь ещё метров сто пятьдесят, и я остановился у торосов, а Серёжа пошёл дальше, но остался в пределах видимости и принялся блеснить без наживки в надежде на окуня.

—Я же, чувствуя по результатам нашего обхода, что плотва стоит, а не питается активно, не стал ожидать её на одном месте, а избрал активную тактику: пробил несколько лунок крестом на довольно приличном расстоянии одна от другой (метров по 20-30), везде подкормил хлебом и начал по очереди их обходить с одной удочкой, пытаюсь привлечь плотву мотылём с подёргиванием.

—При первом обходе поклёвок нигде не было, а вот, когда я пошёл по второму кругу, в одной из лунок начало брать с самого дна, и я вытащил из этой лунки штук пять крупных плотвин. Потом заклевало в другой лунке, и так, перебегая от лунки к лунке, я поймал 30 штук крупной плотвы общим весом примерно на семь килограммов.

—Ко мне перебрались парни, мимо которых мы проходили утром, но что-то они делали не так, и поблизости от меня у них дела шли всё равно не блестяще. А Серёжа тоже оказался не пустым - выловил двух окуней и килограммового судака на голую блесну, да один судак у него в лунке сорвался, и кто-то блесну оторвал. А рядом мужик семь судаков поймал! Вот это новости - судака зимой здесь раньше я не слышал чтобы ловили, но в этом году летом его хорошо таскали с лодок, по рассказам Вити Васильева, и на живца, и на дохлую рыбку, и на кусочки, и на выползка. Откуда он тут взялся?

—Что касается остальных рыбаков-плотвишников, сидевших ближе к берегу, то все они остались практически ни с чем и открытием сезона были разочарованы. А мы с Серёжей вполне довольны.

—19-го декабря, в понедельник утром я должен был вылететь в Москву, чтобы к обеду попасть в ИЗМИРАН на секцию. При посадке в автобус на автовокзале я встретился с Женей Кондратьевым, он тоже летел, точнее, собирался лететь в командировку этим рейсом, надеясь взять билет в аэропорту прямо перед отлётом. Свободные места были, и билет он взял, да ещё подслушал, что рейс наш, оказывается, будет не прямым, как положено по расписанию, а через Минск, причём Минск сейчас закрыт, и нас задержат, а

уж когда мы в Москве будем - одному Богу известно.

— Действительно, через несколько минут объявили задержку нашего рейса "в связи с нелётными условиями запасного аэродрома". Первый раз я такую формулировку услышал. От нечего делать пошли мы с Кондратьевым к справочному узнать, что она означает. Нам там объяснили:

—- Закрыт Минск, а вдруг, пока вы летите, и Москву закроют, куда садиться?

—- Обратно лететь.

—- А если и Калининград закроют? - нашлась ответчица из справочного.

—- Тогда в Вильнюс, - не унимались мы.

—- Ишь, какие умные. Отойдите, не мешайте работать.

— Вскоре задержку объявили ещё на два часа. Похоже, что на секцию я уже не успевал, тем более, если правда, что в Минске будем садиться.

— Пошли опять к справочному.

—- А правда, что наш рейс не прямым полетит, а через Минск?

—- Да.

—- А почему?

—- Так надо.

—- А кому?

— Дальше с нами, такими нахалами, опять не захотели разговаривать. Наконец, объявили посадку, но что рейс будет через Минск, сообщили только в самолёте. Из минского аэропорта я позвонил Лобачевскому, что на секции не буду, так как вместо Москвы оказался в Минске.

—- А почему в Минске?

—- Шутки Аэрофлота.

—- Ну, хорошо, что не в Норильске.

— Зачем садились в Минске, для нас так и осталось неизвестным. Что-то, может, забросить туда срочно было нужно, а, может, керосина до Москвы не хватало, кто их знает.

— Время ожидания вылета в Калининграде и Минске мы с Кондратьевым убивали в болтовне. Словно в продолжение того ночного разговора у костра я дал ему почитать пару весьма насыщенных и острых писем отца Ианнуария, которые оказались у меня с собой в папке с "мемуарами", рассказал и про сами "мемуары", и с удовольствием ощущал несомненный живой интерес Жени ко всему этому эпистолярно-мемуарному творчеству.

— Он, в свою очередь, рассказывал мне о своём знакомом - Ерашове, окончившем несколько лет назад физмат КГУ и работавшем теперь в КТИ, пишущем фантастику, но нигде пока ещё не публикующемся. Отец его был в своё время председателем Калининградского отделения Союза писателей СССР, боролся с первым секретарём Калининградского обкома КПСС Коноваловым, искоренявшим в области немецкий дух, за сохранение немецких памятников архитектуры, королевского замка, прежде всего, но безуспешно, а сейчас по рукам ходят его записки - воспоминания о 50-х - 60-х годах, о Хрущёве, Коновалове и его окружении, о страсти Брежнева к коллекционированию наград и прочее такое. Жене хотелось бы познакомить меня с Ерашовым-младшим, и он пригласил меня с Сашулей к себе в гости на ближайшую пятницу, когда и Ерашovy должны быть.

— В назначенное время мы с Сашулей и Митей пришли к Кондратьевым, у которых не были уже много-много лет, больше десяти, во всяком случае. Познакомились с Сергеем Ерашовым (лет тридцати, борода лопаточкой) и его молоденькой преданной женой, бывшей у него ученицей, когда Сергей преподавал в школе. У них, оказывается, уже двое детей, оставленных под присмотром родителей жены.

— Женя рвался вести разговоры о высоких материях, о Боге и прочем, но явились ещё какие-то неожиданные гости, водки было изобилие, Лиме - жене Кондратьева, захотелось петь, и всё покатило по руслу стандартной пьянки. Правда, нечаянно разговор зашёл о

Рейгане и ракетах, но тут даже Лима впала в патриотический раж - не позволим, мол, себя запугать, не за то кровь проливали...

— Кондратьев, правда, вырулил в конце концов, не без моей помощи, на желанный разговор о Боге, о смысле жизни, но выпито к этому времени было слишком много, и разговор не получился. Ерашов всё же успел заметить, что вопрос о смысле жизни, предполагающий его наличие, предполагает тем самым, что жизнь есть продукт чьей-то воли, чьего-то сознания, то есть уже и содержит отчасти в себе ответ, но есть ли у жизни смысл?

— От Кондратьева я возвращался с целой папкой машинописных воспоминаний Ерашова-старшего, написанных "не для печати, а так, для детей" ("Записки бывшего сталиниста", "Коновалов и другие" и ещё несколько вещей поменьше), и в ближайшие два-три дня все их прочитал. Они не показались мне настолько интересными, насколько рекламировал их Женя (Ерашов-младший, по-моему, тоже слегка иронически относился к ним, хотя и давал читать знакомым), глубины в них особой не было, литературных достоинств тоже, но ряд деталей оставлял впечатление.

— Например, как готовились к встрече Хрущёва, когда он проезжал через Калининград и Балтийск, направляясь с визитом в Англию, кажется. В Балтийске построили железнодорожную ветку до самого причала, и рельсы покрасили белой краской; красили деревья и заборы вдоль дороги, но шёл дождь и смывал краску, так матросики, сменяя друг друга, вновь неустанно красили по смытому. Про Коновалова, как он, будучи секретарём обкома в Калининне, разъезжал по городу с женой в тройке, запряжённой рысаками, по поводу чего Сталин, якобы, заметил, что даже он себе такого не позволяет (известно, правда, что Сталин вообще ни на чём разъезжать не любил и от людей прятался), и снял его с поста.

— Впрочем, не надолго, и Коновалову даже удалось установить своеобразный рекорд - пробыть в должности первого секретаря обкома при Сталине, Хрущёве, Брежнев и Андропове. Чуть-чуть до пятого - Черненко - не продержался, перевели с почётом "в аппарат ЦК", но ведь не на пенсию, формально-то. Раскрыть же личность многолетнего "хозяина" Калининградской области Ерашову не удалось, не хватило, видимо, всё-таки информации. Не слишком образованный, ограниченный, малокультурный и не слишком умный даже в практических делах, без особых государственных заслуг, но волевой, умеет держаться с народом, категорический противник реставрации памятников немецкой культуры - вот и всё, пожалуй, что можно о нём сказать на основании записок Ерашова.

— У Мити появилась новая страсть - юмористическая литература, юмор в газетах и журналах. Прочитал сборник польских микроюморесок, анекдоты о Ходже Насреддине, "Паузу в мажоре" Мишина, а "Берегись автомобиля" Брагинского и Рязанова не мог даже читать в одиночку, бегал с книжкой то за мной, то за Сашулей и читал вслух, отставляя руку в сторону как Пушкин на площади Искусств. Позже он с таким же восторгом читал вслух "Двенадцать стульев".

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)